Ор26.8а
Ч-58

А. А. Чибилёв

В ГЛУБЬ СТЕПЕЙ

ор26.8 1
4-58

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК · УРАЛЬСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ЭКОЛОГИИ РАСТЕНИЙ И ЖИВОТНЫХ
ОРЕНБУРГСКИЙ ОТДЕЛ СТЕПНОГО ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ
ОРЕНБУРГСКИЙ ФИЛИАЛ РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

ор26.8 1
26.8 1

А.А. Чибилев

В ГЛУБЬ СТЕПЕЙ

ОЧЕРКИ ОБ ЕСТЕСТВОИСПЫТАТЕЛЯХ
ОРЕНБУРГСКОГО КРАЯ

А-230438 09
60
1 1

ЕКАТЕРИНБУРГ
УИФ «НАУКА»
1993

Оренбургская областная научная
библиотека им. Н. К. Крупской

Уралом, Каспием и Аральским морем. Его работы положили начало флористическому, фаунистическому и экологическому изучению западноказахстанских степей, полупустынь и пустынь.

Ученый впервые обращает внимание на то, что «большой весенний путь с юга на Западную Сибирь и осенью обратно, на юг и юго-запад, пролегает по направлению южной половины реки Урал. Урал, как единственная река, по которой птица может осенью достигнуть моря и весною снова возвратиться на север, минуя безопасно голые и пустынные степи, служит убежищем и сборным местом всех перелетных птиц здешнего края, почему прибрежные рощи и луга этой весною и осенью заслуживают в полной мере внимания естествоиспытателя».

Зоологические и зоогеографические исследования Эверсманна имеют сейчас большое значение для изучения изменений фауны края за последние 100—150 лет. Труды Эверсманна позволяют нам судить о былом распространении в крае таких животных, как тигр, барс, северный олень, кабан, сайгак, дрофа, стрепет и многие другие. Навсегда исчез тарпан, доживавший свой век во времена Эверсманна. Значительно изменилась экология ряда степных животных. Например, суслик в то время не считался вредителем сельскохозяйственных полей, так как имея для себя достаточные площади нераспаханных степей, «не копал себе норы в пахотных полях».

Длительный период систематических естественноисторических исследований в Оренбургском крае, продолжавшийся четыре десятилетия, выделяет Эверсманна из числа других, случайных, путешественников. Степи Приуралья и полупустыни Арало-Каспия были объектом постоянного внимания естествоиспытателя. Эверсманн не изменил своим интересам до конца жизни, что позволило ему вписать ярчайшую страницу в историю географического изучения Оренбургского края и стать его естествоиспытателем-энциклопедистом XIX века подобно тому, как стал им в XVIII веке Петр Иванович Рычков.

7

На предыдущих страницах было приведено немало цитат из главного труда Эверсманна — «Естественной истории Оренбургского края». Сделано это по двум причинам. Во-первых, в связи с тем, что многие описания и мысли естествоиспытателя не утратили своего значения и до наших дней, а во-вторых, потому, что они не нуждаются в авторизованном переизложении, поскольку были переведены с немецкого языка на русский и отредактированы одним из лучших знатоков русского языка знаменитым лексикографом Владимиром Ивановичем Далем (1801—1872).

Интересы и дарования В. И. Даля отличались широтой и

разнообразием. Врач по образованию, он был способным инженером, пытливым натуралистом, выдающимся этнографом, популярным писателем, автором монументального «Толкового словаря живого великорусского языка», составившего эпоху в русской лексикографии.

С июля 1833 года началась восьмилетняя служба Даля в качестве «чиновника особых поручений при оренбургском военном губернаторстве»[26]. «Во всю жизнь я искал случая поездить по Руси»,— признавался Даль в своей автобиографической записке. Служба в Оренбурге предоставила ему широкие возможности для путешествий по обширному степному краю. Он совершал поездки в Уральск, Гурьев, Букеевскую орду, в низовья Большого и Малого Узеней, на Эмбу. В 1839 году Даль участвовал в походе В. А. Перовского в Хиву. За восемь лет Даль, подобно Эверсманну и Карелину, изъездил Оренбургский край вдоль и поперек.

В поездках Даль проявляет живой интерес к природе степного края, к собиранию различных «естественных» произведений. Его коллекция животных и растений края известны Петербургской Академии наук, которая в 1838 году избрала его своим членом-корреспондентом по классу естественных наук.

За годы, проведенные в Оренбурге, Даль хорошо изучил быт и нравы местных жителей. В его повестях «Бикей и Мауляна» и «Майна» подробно и красочно описаны различные стороны жизни казахского народа. В беллетристических произведениях В. И. Даля, выступавшего под псевдонимом Казака Луганского, содержатся сведения по истории и географии Оренбургского края. Особенно примечателен в этом отношении очерк Даля «Уральский казак». В образе гурьевского казака Маркиана Проклятова писатель мастерски изобразил рядового члена казачьей общины, воина и рыболова: «Морозу он не боится потому, что мороз крепит... жару не боится потому, что жар костей не ломит; воды, сырости, дождя не боится, потому как говорит, что сызмала к мокрой работе, по рыбному промыслу приобвык, что Урал — золотое дно, серебряная покрышка — кормит и одевает его, стало быть, на воду сердиться грех — это дар божий, тот же хлеб». В очерке приводится красочное описание осенней плавни, багренья и аханного рыболовства.

В Оренбурге Даль ведет большую культурно-общественную работу. Вместе с ссыльным поляком Фомой Заном он участвует в организации зоологического музея, или, как он официально назывался, «музеума естественных произведений Оренбургского края».

Вероятнее всего, уже в 1837 году В. И. Даль получил приказание от губернатора В. А. Перовского перевести «Естественную историю Оренбургского края» с немецкого на русский язык, что он и исполнил «во всех отношениях, с особенным

удовольствием». В примечании переводчика Даль пишет: «Независимо от всегдашнего желания сделать угодное своему начальнику, личные отношения мои к сочинителю и привязанность к предмету сочинения заставили меня заняться делом со всевозможным старанием. Придерживаясь, сколько мог и умел, смысла и духа подлинника, я избегал нерусских выражений и оборотов, старался передать русские названия предметов и, наконец, по разрешению и желанию сочинителя, осмелился присовокупить от себя несколько примечаний»[27].

На примечаниях Даля к книге Эверсманна считаю необходимым остановиться подробнее. Привлекают внимание дополнения Даля к главе о климате и погоде Оренбургского края. В примечаниях он описывает два типа буранов: «буран снизу», с которого начинается всякая метель, и «буран сверху» — особенно опасный и гибельный для людей и животных. «Люди замерзают в нескольких десятках сажен от жилья,— пишет Даль,— иногда почти на улицах сел и деревень, выбившись из сил и почти не сходя с мест, а плутая все вкруговую. Скот бежит по ветру, забегает без остановки за сотню верст и нередко прямо без оглядки в пропасти и крутояры, где погибает». Далее переводчик приводит данные о том, что в 1827 году казахи Внутренней орды лишились во время жестокого бурана 10 500 верблюдов, 280 500 лошадей, 75 480 голов рогатого скота и 101 200 овец[28].

Интересно также упоминание Даля о «летних буранах», «которые иногда бывают жарки до нестерпимости, точно будто бы ветер дует на все из раскаленной печи. При порывистом ветре это очень чувствительно, вас обдает жаром при каждом ударе ветра, и надобно отворачивать лицо под ветер»[29]. В «летних буранах» Даля хорошо угадываются знойные обжигающие суховеи, столь характерные для Западного Казахстана и степей Оренбуржья.

Даль снабжает небольшими примечаниями раздел о степных палах. Он пишет, что палы запрещены законами, «но привычка упорно борется с рассудком и всякое бедствие скоро забывается». В связи с этим Даль приводит случай 1836 года в Троицком уезде, когда огромный пал, шириною 50 верст, пробежал по степи и сжег 300 кибиток казахов, более 20 тысяч голов скота и погубил 70 человек[30].

Оснащая перевод наиболее удачными русскими словами, Даль широко ссылался на местную терминологию. Любопытно, например, его примечание о слове «сырт», которое «у татарских народов, а в иных местах и у русских крестьян и казахов, означает собственно возвышенность, составляющую разделение воды. Не худо бы, кажется, принять слово это для общего употребления»[31]. Нужно отметить, что этот термин сейчас широко применяется для обозначения различных и географических объектов края.

Характеристику поймы реки Урал Даль дополняет прекрасным описанием процесса формирования ее русла. Учитывая исключительную хрестоматийную ценность этого описания, приведем его полностью:

«По той же причине в здешнем краю бывают весной два разлива: первый, меньший, непосредственно по вскрытии рек, от ближайшей снеговой воды, текущей кругом с берегов; второй, гораздо значительнейший, две-три недели позже от так наз. простолюдинами земляной воды: это также снеговая вода, набежавшая уже с гор, где оттепель бывает позднее. Второй разлив идет иногда огромною водою и заливает луга на ширину нескольких верст в течение немногих часов. При этом разливе гибнет множество животных и в особенности зайцев. Замечу еще одно обстоятельство: реки, текущие с гор, не исключая и самого Урала, чрезвычайно извилисты и каждогодно, весною, покидают местами частицы своего старого русла и прокладывают себе новый путь, отчего и образуются здесь так наз. старицы, в которых обыкновенно еще многие годы стоит вода. Если один конец этой старицы глухой, между тем как другой сообщается еще, более или менее, с самою рекою, то старица получает название ерика. Ерики бывают иногда в несколько верст длины. Река переменяет русло свое таким образом: на погибе или на повороте течение ударяет почти прямо в берег, подмывает его все более и более, образует крутой обрыв, между тем как оно же наносит отбоем ил и песок на противоположный этому прогибу берег или мыс. Если два таких поворота случатся в близком один от другого расстоянии и река, следовательно, обтекает полуострова, то удар течения станет подмывать перешеек с обеих сторон; наконец, вода прорывается прямо, напролом, через уничтоженный перешеек и покидает дугообразную часть русла своего и самый полуостров на другом, противоположном берегу. Оба берега реки Урала изрыты по всем направлениям такими старицами, и случалось, что целые станицы, или часть их, должно было переносить на безопасное место под подмываемого бурливою рекою прибрежья» [32].

Сам участник Хивинского похода, Даль дополняет книгу Эверсманна сведениями о водном режиме песчаных массивов Приаралья и приводит некоторые сведения о природе этого края, известные ему из личных наблюдений.

Прекрасно выполненный перевод «Естественной истории...», несомненная широкая осведомленность Даля о природе Оренбургского края и, наконец, сами примечания, сделанные, кстати, очень корректно и ненавязчиво, позволяют считать его в какой-то мере соавтором этой прекрасной книги. Сам факт того, что мы читаем книгу Эверсманна в переводе В. И. Даля, дает основание считать ее не только замечательным естественнонаучным, но и литературным памятником.

* * *

В предисловии к «Естественной истории...» Эверсманн написал: «Покуда не будет у нас издано порознь Естественная история разных частей огромной русской империи, дотоле нельзя и ожидать подобного творения в отношении к целому государству. Да принесет каждый, что у него есть, что успел собрать: я приношу свое». Так представлял свою роль оренбургский естествоиспытатель в общем благородном деле изучения и описания естественных ресурсов России, и эту высокую миссию он с успехом выполнил.